

РОДНИК ЕГО ПОЭЗИИ

В этой книге собраны произведения разных лет. Они составляют главное поэтическое наследие Петра Комарова. Здесь все лучшее, что успел он создать за свой короткий век.

Творчество крупных, самобытных поэтов из так называемой литературной провинции не всегда находит сразу выход к большой читательской аудитории и не сразу привлекает внимание литературоведов, критиков по странному свойству людскому — не замечать «пророка в своем отечестве...»

Отдадим должное постоянству Петра Степановича, с каким он всю жизнь прожил на Дальнем Востоке и не мыслил себя где-то в иных пределах, возможно, более благодатных, чем наше Приамурье. Для него работал он без устали, жил, горел... и сердце отдал ему, и песни...

Сторонка дальняя моя,
С перепелами вдоль обочин.
Твоею славой славен я,
Твоей заботой озабочен.
Благословен мой край, и в нем —
Наш труд, наш дом, где все знакомо.
Я — нитка в знамени твоём
Над черепичной крышей дома.

(Надпись на книге)

В этом коротком, звучащем, как песня, стихотворении, которое можно поставить рядом с лучшими образцами лирической русской поэзии, заложено высокое понимание долга, сыновней любви к Родине, а в итоге — смысл человеческого предназначения на Земле. И было бы странно, если бы чья-то душа не отозвалась на это согласным чувством. Таково извечное воздействие поэтического слова, объединяющего людей. К этому Петр Комаров всегда стремился.

Друзьям и товарищам его, тем, кто видел, как упорно он боролся с тяжелым недугом, как, преодолевая нужду, работал, искал свою тропу в сложном мире литературных авторитетов, споров, имен, особенно радостно сознавать, что его стихи приобрели широкую известность и стали достоянием советской поэзии.

Рано ушел он от нас, побежденный болезнью. Медицина в то время еще не имела таких мощных средств против туберкулеза, какими она располагает сейчас. Об этом думаешь с болью и сожалением. Как часто нам не хватало его негромкого, но ясного слова, когда неожиданно для всех на различных высотах государственной лестницы стали перемещаться разные величины и на литературном небосклоне тоже меркли одни звезды, восходили другие... И падали, и воскресали под действием меняющегося общественного климата. При всех печальных и тяжелых явлениях прошлого, которые сейчас открыты для оценок с высоты нашего раскрепощен-

ного сознания, нельзя отринуть то светлое, в чем проявлял себя характер советского человека — строителя нового мира.

Мы были свидетелями многих замечательных событий в стране, выдающихся трудов, направленных на ее процветание, научных открытий, героических подвигов, наконец!.. Полеты в космос... Они всегда казались нам отдаленной мечтой человечества... Но теперь, когда идет планомерное освоение космического пространства, никто уже не удивляется этому. Будь среди нас Петр Комаров, можно себе представить, как бы отозвалось на события современности его чуткое, равнодушное к жизни сердце: каким своеобразным, только ему присущим языком заговорил бы он сейчас о беде, грозящей лесам и рекам. С его любовью к природе и с его гражданским чувством.

О гражданственности иногда говорят как о чем-то сверхданном. Критики нередко спорят между собой, определяя меру ее в стихах того или иного поэта. Но ведь она не может быть довеском к таланту! Гражданственность выявляется как отражение души; это — образ мышления, и это — позиция художника, литератора. Искусственно ее не втиснуть в строй поэтической речи. У Петра Комарова она органична. Его творчество освещено горячим светом Времени, в котором он жил и работал, постоянно осознавая себя сыном своей великой Родины, а если нужно, и — солдатом.

Не скажешь о нем, что при жизни Комаров был мало известен или не признан. Его стихи печатались в центральных журналах и газетах, звучали по Всесоюзному радио, имя Петра Степановича, особенно в годы войны и послевоенные, стало появляться в печатных изданиях на Урале и в Сибири, его знали многие читатели Москвы, Ленинграда. Сам он не мог, конечно, не замечать возрастающего интереса к его творчеству. Но не впадал в восторг от читательских похвал, получая письма из разных городов России.

И все-таки настоящая, широкая известность пришла позднее. Мы это теперь знаем. А тогда просто было естественным предвидеть, что стихи его останутся жить надолго. Среди поэтов, своим творчеством связанных с Дальним Востоком, первое место, бесспорно, принадлежит ему. Петр Комаров счастливо соединил в себе революционную страстность и оригинальное поэтическое восприятие мира. Его стихи отличаются яркой образностью, глубинным проникновением в суть предмета, будь то поэма или миниатюра в четыре строчки, язык их точен и доведен порой до родниковой прозрачности. Требовательно относился он ко всему, что выходило из-под его пера. Это был человек большого трудолюбия, целеустремленный, с сильным характером, что, разумеется, не могло не сказаться на развитии его дарования.

Он родился 12 июля 1911 года в деревне Боево Крестецкого уезда бывшей Новгородской губернии (теперь это Ленинградская область). Отец — рабочий Кулотинской брезентной фабрики, много лет отдавший на предприя-

тии частного владельца вредному цеху, решил переселиться на Дальний Восток. Ранней весной 1918 года он со всем семейством прибыл сначала в город Свободный, затем с Суражеской пристани подался в зазейские места.

Слабый здоровьем, но любивший охоту, он искал, где бы земля была поудобнее, и чтобы лес был, и река близко. Добрые люди посоветовали определиться в Поповке. Деревня была небольшая, из тех, что в одну улицу выстраивались на возвышенном берегу реки. Тут везде лесные заросли сменялись лугами. А река... вот она — Зея, рядом, всякой рыбы в ней довольно, да и поохотиться есть где.

Для будущей усадьбы Комаровы, оглядевшись, выбрали место на самом краю деревни. За огородами темнел сосновый бор, по сторонам Поповки — буйное разнолесье, пахотных угодий тоже хватало, трудись только. Правда, нелегко было новоселам-безлошадникам обживать таежные земли. Пришлось самим вручную выкорчевывать пни, подкатывать бревна для сруба. Потом, когда подоспело время пахать и сеять, брали коня у соседей. Семилетнему Пете интересно было следить за шустрыми бурундуками, он гонял их по огороду; на пахоте вытаскивал из-под пласта розовые стебли кислицы, лакомился.

— Что с него спросишь, — вспоминала мать, — он самый маленький был в семье-то. Вот старшие — Василий да Груня и Паша, те на подхвате у отца, им всегда находилась работа. К осени кое-как управились, поставили избу. Можно сказать, всем миром ставили, подвели ее под крышу, сложили печь. Только бы жить... А тут вскоре началась гражданская война.

Как похоже складывалось детство у нашего поколения дальневосточников! Ведь многие из нас сели за парты в грозное время. Амурская земля еще не остыла после пожаров. Еще Красная Армия освобождала ее от японских интервентов и белогвардейских карателей, гнала их все дальше, на восток, к Тихому океану. Горящие избы, кровавые расправы с мирным населением, бездомные сироты, беженцы... На всю жизнь это осталось в памяти. Трудно жилось. Где достать соли, спичек, керосина? Из чего сшить детям пальтишки, чтобы можно было отпустить их в школу?

Татьяна Семеновна — мать будущего поэта, малограмотная женщина, знавшая и нужду, и горе, припоминала, каким был ее младший сын. В девять лет Петя уже стал помощником у нее: воды ли принести, дров ли — он тут как тут. Любил на дворе копаться: то дрова в поленницу сложит, то удилица готовит. На уху рыбы налавливал запросто. Отец его научил. И на пашню брал с собой. А когда здоровье отца пошатнулось и слег он по весне, Петя исполнял поручения старшего брата. И гордился им. Замечал, что молодежь, в Поповке тянется к Василию. При его активном участии оформилась комсомольская ячейка, он был организатором ликбеза среди взрослых.

Влияние брата, бесспорно, отразилось на характере Петра. Но пришло время — и Василия вызвали в город Свободный, там были организованы курсы руководящих комсомольских работников.

После отъезда старшего сына Татьяна Семеновна часто с надеждой поглядывала на берег. «Может быть, вернется», — думала она. Трудно было в доме без него, но он не вернулся. Через некоторое время Василия Комарова избрали секретарем Свободненского укома комсомола.

Петру тоже хотелось поскорее стать комсомольцем. Казалось, годы идут слишком медленно, обрадовался, когда исполнилось четырнадцать лет. Не всегда он был понятен сверстникам, и по-разному складывались у него отношения с ними. Случалось, позовут ребята играть в лапту, но Петя отказывается, ищет укромное местечко, чтобы дочитать интересную книгу. На рыбалку ходил с теми, кто умел затаиваться в ожидании клева, чересчур разговорчивых сторонился.

Зато любил он слушать рассказы отца об охоте, когда случалось бывать с ним в лесу или на пашне. Но болезнь постепенно вытеснила радость из отцовского сердца, он стал чахнуть, и в притихшем доме поселилась тревога.

Ранними летними утрами Петя убегал на Зею с удочкой ловить рыбу. Это было одно из самых любимых его занятий. Река безотчетно манила к себе будущего поэта.

Много удивительного и загадочного таилось в мире природы. Но где найти слова и какие нужны сочетания слов, чтобы передать то, что живет в душе, звенит и плещется, как золотая рыбка в сетях из сказки Пушкина?

Кажется, все книги, какие были в его распоряжении, Петр перечитал. В те годы у него была уже заветная тетрадь со стихами. О чем он писал тогда? Обо всем, что происходило вокруг и казалось значительным: в деревню пригнали трактор на диво крестьянам, открылась изба-читальня, в сельском клубе идет спектакль, ставят его комсомольцы... Все менялось... Естественно, что это не могло пройти мимо внимания юноши. Его стихотворения часто были непосредственным откликом на события сельской жизни; лучшие из них стали появляться в молодежной газете, но прежде, чем он увидел их напечатанными в «Набате молодежи», ему пришлось пережить столкновение с одноклассниками.

О том, как это было, он рассказывал позднее в своих автобиографических заметках «Путь в редакцию»...

«...Я организовал в сельской школе стенгазету. И сразу же после первого номера меня избили...» Он описывал, как мальчишки исцарапали ему лицо до крови, как сорвали у него с головы заячью шапку... «Это первое боевое крещение еще больше вызвало у меня желание писать», — вспоминал Комаров. Но уже не для стенной печати; он написал и отправил письмо в Благовещенск, там выходила газета «Молодая Гвардия»... «И хотя

от моей первой заметки остались «рожки да ножки», я берег номер газеты как зеницу ока. Это было в 1924 году...»

Впечатления детства и отрочества потом отзовутся в стихах Петра Комарова, когда он повзрослеет и начнет основательно пробовать свои силы в творчестве. Нетрудно убедиться в этом, перечитывая его стихотворения о партизанах и комсомольцах, о легендарном Сергее Лазо или о первом трактористе («Деревенский спектакль», «Трактор», «Апрель», «Сенокос», «Помнишь, как мы уходили из дома...»).

Для того чтобы стать поэтом, ему пришлось многое преодолеть в своей судьбе. Самый первый шаг, который Комаров отважился сделать, был связан с отъездом из Поповки. Комсомольская организация направляла его в школу крестьянской молодежи. Кажется, сбывалась его мечта: учиться дальше...

Ну, а дом? Как оставить родных? Несмотря на уговоры и слезы матери (отца уже не было в живых), Петя сделал свой выбор: в дорогу! Это означало — покинуть дом, оставить и, может быть, навсегда (а вышло именно так) Поповку. Жаль было расставаться с матерью и сестрами. Но он уже не мог, не имел права отказываться.

Татьяна Семеновна сшила ему рубашку из кумача; Петя обулся в ичиги, взял с собой кое-какие вещички, тужурку, шапку на всякий случай и побежал с котомкой за плечами к пароходу. В то время, да и позднее, в сороковых годах, у нас по Зее ходил старенький колесный пароходик «Брянта». Вот на нем он и отправился в город Свободный.

Много будет у него дорог потом, но эта, как исток в горах, дающий начало большому течению, впервые обозначила его характер.

Не сразу освоился Петр Комаров в городских условиях. Среди «шэка-эмовцев» не было у него знакомых ребят, с непривычки скучал о доме, о сверстниках, которые остались в Поповке. И все же время постепенно сблизило его с такими же, как он, ребятами, приехавшими в агрономический «лицей» из разных деревень. Все вместе они работали на учебных полях за городом, вместе ходили в клуб имени Лазо «на картины», стайкой бежали в столовую, иногда и учебник листали, готовясь к уроку, по двое, по трое... Все было внове и все увлекало: физика, полеводство, ботаника.

С 1926 года Петр Комаров стал печататься в газете «Молодая Гвардия», затем — в «Набате Молодежи»... После окончания ШКМ Свободненский райком комсомола направил его в Благовещенский сельскохозяйственный техникум. Он и там хорошо учился, но агрономом не стал...

Другая страсть влекла к себе Петра Комарова, уводила в область духовных исканий — журналистика, литература, поэзия. И вот словно кто-то подслушал его тайные думы... Из техникума, который он так и не закончил, Далькрайком комсомола отозвал Петра для работы в редакции молодежной газеты. Это был 1929 год, памятный во многих отношениях. Начиналось переустройство сельского хозяйства на социалистической основе. Уже рас-

ходил по земле гул потревоженных деревень, стали известны первые опыты организации колхозов, и противоречивое отношение к ним вызывало разные толки.

Но еще никто не знал, как обернется эта небывалая новь для крестьян, сколько их невинно пострадает от незаконных и жестоких расправ, и какой ценой будет достигнут успех проведенной в бешеном темпе коллективизации. Мы узнаем об этом спустя много лет, когда будет сорван покров с трагических фактов истории. А тогда и без того трудная обстановка в стране осложнялась конфликтом, возникшим на Китайско-Восточной железной дороге. К счастью, конфликт был довольно скоро урегулирован, хотя жизнь дальневосточной границы еще оставалась беспокойной.

В такое время Петр Комаров и появился на Комсомольской улице Хабаровска в редакции газеты «Набат Молодежи». Впервые он увидел двухэтажный дом, с которым будет связано так много в его литературной биографии. От вокзала шел в редакцию пешком, и радость в душе сменялась тревогой...

Свое знакомство с газетчиками Петр Комаров описывал так: «...Я был четвертым по счету выдвигенцем «Набата Молодежи». Пришел в редакцию в старой выцветшей шубе и длинных, с плешинами унтах. Вся моя фигура внушала редакционным работникам явное недоверие ко мне... Точнее бы сказать, удивление. Не таким, наверное, представляли автора стихов, печатавшихся в «Набате».

Знакомство оказалось кратким. Редактор газеты, бывший комсомольский работник Александр Черных, быстро пробежал глазами документы Петра. Ждал он сотрудника из Благовещенска давно, знал о нем. И теперь был доволен: не часто в газету приходят люди с агрономической подготовкой. Предупредил сразу: есть срочное задание...

— Ты будешь заведовать сельскохозяйственным сектором. Сегодня тебе и Косте Седых сдавать материал о хлебозаготовках...

Комаров слушал, подавляя смущение, кивал согласно и мельком оглядывал лица тех, с кем ему предстояло работать. Поймал на себе внимательный взгляд Константина Седых, не понял его улыбку и сам оглядел его со значением: «Седых? Это — Седых?» Не ахти какого роста был поэт-забайкалец; на нем серый вязаный жилет поверх камлотовой рубашки; он чуть скуластый, с ежиком густых, коротко подстриженных темных волос. Его стихи всегда вызывали у Петра интерес, он искал их на страницах «Набата», некоторые четверостишия даже старался запомнить... Давно ощущал себя в каком-то негласном с ним соревновании. И вдруг... Какие же ошеломительные сюрпризы может преподнести судьба!..

Из кабинета редактора они вышли вместе. Перед входом в узенькую комнатку на северной стороне, где днем и вечером горел электрический свет, Седых остановил Комарова:

— Так вот ты какой, паря... Ну, давай знакомиться! — и решительно

протянул ему руку, наверное, отметив про себя, что Комаров-то симпатичный парняга...

Работать вместе им пришлось недолго. Через несколько месяцев Константин Седых уехал в Иркутск...

Как всегда, в редакции шла боевая, увлекательная до самозабвения работа. Часто выпадали командировки. Ездить по районам было интересно, это раздвигало границы познания, Хабаровск как административный центр Дальнего Востока объединял в те годы Амурскую область и Приморье, Камчатку, Сахалин, Чукотку... Огромная территория с совершенно разными климатическими зонами, представляла собой редкое чередование горно-таежных рек и морского простора, степей и тундры, горячих ключей и вечной мерзлоты. Поразительные эти контрасты, разнообразие ландшафтов Дальнего Востока, его природных богатств, особенно в южном Приморье, — все казалось Петру поистине сказочным. Накопленные в разных поездках впечатления потом вольются пленительными образами в его лучшие стихи. И хотя критики по-разному оценят тяготение молодого, начинающего поэта к пейзажной лирике, — одни упрекнут его в созерцательности, порой справедливо для раннего периода творчества, другие увидят в этом проявление любви к родной земле, — и тоже будут правы, — он сделает выводы для себя, но не расстанется с темой природы, а напротив — усилит ее мотивы в дальнейшем, обогащая содержание и совершенствуя свое мастерство.

Было бы преувеличением говорить, что Петр Комаров сразу же завоевал читательское признание. Да он и не торопился в начале 30-х годов печататься. Стихи давались ему не так-то просто. Возвращаясь из командировок, надо было выполнить задание, сдать очерк или статью на машинку: работа в редакции требует оперативности. Для стихов оставалось мало времени.

В общении с поэтами Комаров постепенно стал улавливать особенности творчества каждого из них, старался уяснить литературные вкусы, пристрастия, но предпочитал больше слушать других, чем «выдавать» свое и говорить о себе. Впрочем, и Константин Седых тоже ведь не отличался словоохотливостью, в чем-то был даже застенчив, как это свойственно бывало в те годы поэтам — выходцам из деревни. С его отъездом в редакции словно убавилось света. Увидятся ли они когда-нибудь? Между ними завязалась переписка; не часто, но они писали письма друг другу и даже стихами обменивались.

В разное время исследователи творчества Петра Комарова, авторы очерков и статей, выступавшие с воспоминаниями о нем, в силу каких-то причин опускали тот период его жизни, когда он работал в молодежной газете. А между тем, это были годы взросления, творческого роста Комарова в окружении целой плеяды дальневосточных поэтов. Во Владивостоке: Вячеслав Афанасьев, Георгий Корешов, Александр Артемов, Анатолий Гай,

впоследствии переселившийся в Хабаровск. Здесь определилась довольно сильная группа поэтов и прозаиков.

Редакция краевой комсомольской газеты, куда поступил на работу Комаров, располагала завидными кадрами литераторов. В разных ее отделах сотрудничали одновременно Григорий Кравченко и Семен Бытовой, Михаил Лесневский и Иннокентий Луговской... Для каждого из них и для Комарова тоже эти годы были отмечены поисками своей темы, и не просто знакомством друг с другом, но и взаимным профессиональным интересом.

Нередко в редакции «Набата Молодежи» проводились обсуждения вышедших в свет поэтических сборников или готовящихся к печати новых произведений. Поэты выступали с чтением своих стихов на городских литературных вечерах, в армейских подразделениях, на погранзаставах, перед студентами города.

Как-то Иннокентий Луговской, отправляясь вместе с другими поэтами на литературный вечер в педтехникум, предложил Комарову:

— Слушай, Петя, может, ты прочитаешь свое? Ну, хотя бы одно стихотворение? Идем с нами!

У Луговского — густые черные брови, широкоскулое, с бугристой кожей лицо кажется суровым, но когда он улыбнется такой открытой, доверчивой улыбкой, от суровости не остается и следа.

Комаров присматривался ко всем, он еще чувствовал себя новичком в литературной среде и не хотел быть выскочкой...

— Я пока воздержусь, выступать не буду. Но с вами пойду.

По дороге в педтехникум Луговской напевал вполголоса какую-то песенку, потом умолк и, рассмеявшись, стал говорить, что в техникуме много девчат, что сейчас посыплются вопросы, вопросы...

— Бредят Павлом Васильевым... Он был тут перед отъездом, читал новые стихи. Околдовал всех... Чубом еще своим. Красавец ведь. И талантливый, черт!..

Комаров слушал... В стихотворениях Павла Васильева, какие ему удалось прочесть, он угадывал сильный талант. С таким талантом человек не может быть спокойным. Да и другим не даст успокоиться... И какие слова при этом! Откуда они? Поразительные сравнения. Вот это... Когда поэт мечтает, чтобы Сибирь сменила «...бусы из клыков зверей на электрические бусы...». Или вот это... «И облака тяжелые плывут над пестрой юртой у колодца. Кричит верблюды. И кони воду пьют...». Это же — картина, словами сотворенная!..

Да, молва о приезде сибирском литераторе шла по всему Дальнему Востоку. Где бы ни появлялся Павел Васильев, газеты охотно печатали его стихи. Все поражало в них: яркая образность, необычный строй поэтической речи, лексика. Возвращаясь с Селемджи, Васильев останавливался в Хабаровске. И выступал. Но Петр Комаров уже не застал его здесь,

когда явился на работу в редакцию молодежной газеты, хотя имя Павла Васильева и легенды о нем передавались из уст в уста.

По рассказам сотрудников «Набата», шумными были встречи его с читателями. Пресса не могла обойти их молчанием. На литературных вечерах присутствовали сверхбдительные критики, настроенные непримиримо к поэтам «бунтарского толка»... Именно такое впечатление произвел на них Павел Васильев, читавший стихи о литературных мещанах и приспособленцах. Порывистый, юный, он говорил, что никогда не будет творить по указке рапповцев. Голос его звучал вызывающе: «Я не склоню мятежной головы»... и — пророчески, как потом стало ясно. Над головой поэта нависали грозные тучи. В его трагической судьбе, наверное, с особой жестокостью проявилось время, беспощадное даже к выдающимся талантам, а может быть, в первую очередь, к ним — подвижникам мятежного духа. Молодые наши современники только теперь открывают для себя многих представителей отечественной культуры, в том числе и Павла Васильева. Не одно десятилетие имя его пребывало в забвении; на книжных полках книги не появлялись; в литературных кругах о нем самом предпочитали молчать, хотя васильевские стихи невозможно было вытравить из памяти нашего поколения.

И Петр Комаров их, разумеется, помнил. В какой-то мере он испытал на себе и влияние его стихов, особенно произведений крупного плана, поэм, где в сшибках враждующих сил выявлялся русский характер, с его добротой и отвагой. Но это придет позднее, когда Комаров возьмется осваивать жанр поэмы...

Очень трудно порой было совмещать работу в редакции газеты, и творчество, и ученье; по словам самого Петра Степановича «...газетная работа не давала возможности по-настоящему сосредоточиться на литературном творчестве...» И все-таки он находил время для стихов, изредка их печатали в газете.

Однажды пришло ободряющее письмо из Иркутска. Константин Седых признавался, что с радостью прочитал в «Набате Молодежи» новые стихи Петра...

«Молодец, что не бросил поэтического ремесла. В твоих стихах уже чувствуется что-то комаровское. Чувствуется рост. Этому я особенно рад... Рад и тому, что вы, по-видимому, всерьез решили оживить и наладить литературную работу на Дальнем Востоке. Декларацию загвоздили блестящую.

Я работаю в радиогазете; заведу партийно-комсомольским отделом. Стихи так же пишу, кое-что тебе посылаю»...

Жаль, что Седых с его глубокими и точными оценками был далеко. Теперь беседы о поэзии объединяли Комарова большей частью с Кешей Луговским. С ним и с Семеном Бытовым у него были отношения самые дружественные. И все-таки, ближе всех к нему стоял Григорий Кравченко.

Они чем-то были похожи, как братья. Их иногда путали, особенно — издалека. Оба почти одного роста, оба в светло-серых, отлично сшитых костюмах; и подстрижены одинаково, только у Петра копна густых волос была темнее... Но стоило лишь взглянуть в смуглое лицо Гриши, в его чуть сощуренные глаза, увидеть, как он смеется, показывая зубы со щербинкой, — и впечатление похожести исчезало. Они были братьями по духу — вот что главное.

В старом деревянном доме Кравченко, несмотря на тесноту, Петр, еще не устроившись с жильем, нередко находил приют. Сюда и потом влекла его атмосфера дружной семьи, где гостеприимство было законом. И еще: манили книги. Сколько было книг! В шкафу и на полках.

Не имея высшего образования, Комаров должен был сам многое постигнуть в пределах возможного, как считал и как мог. Позднее он пробовал учиться заочно в Московском институте журналистики, однако работа, связанная с командировками, отрывала его от учебных заданий; пришлось с институтом расстаться.

Осень 1933 года была памятной. В сентябре из Москвы приехал Александр Фадеев. Вместе с кинорежиссером А. Довженко они решили создать художественный фильм о Дальнем Востоке на современном материале. Замысел этот увлек Фадеева, но не менее важным было и другое: по поручению А. М. Горького он должен был познакомиться с литераторами Хабаровска, Владивостока, с их творчеством, помочь оформить дальневосточной писательской организации. Через год будет созван I съезд...

Встреча с Фадеевым проходила в здании городского совета. Лекционный зал, где собрались писатели края, журналисты, работники библиотек, преподаватели литературы, был переполнен. Очень многим хотелось увидеть автора широко известного в то время и любимого всеми романа «Разгром».

А. А. Фадеев выступал с докладом о подготовке к предстоящему I Всесоюзному съезду писателей. Его приезд был весьма кстати тогда и завершился тем, что с помощью краевого комитета партии утвердили решение — издавать в Хабаровске журнал «На рубеже». Фадеев дал согласие быть редактором, хотя сразу не смог приступить к делу. Но все было предусмотрено: штат сотрудников, финансовые средства... Вскоре и помещение нашлось. Весь второй этаж особняка, принадлежавшего раньше Обществу политкаторжан, стал резиденцией писателей более чем на полвека... Исторический дом! Об этом напоминает теперь мемориальная доска, справедливо увековечившая имя А. А. Фадеева — первого редактора журнала «Дальний Восток»...

Осень эта оказалась памятной для Петра Комарова еще и тем, что в октябре он получил из горвоенкомата повестку и через несколько дней был призван в армию. Перед отъездом на восток забежал в редакцию проститься с товарищами.

Были напутствия, советы, пожелания... Григорий Кравченко, не отличавшийся многословием, с чувством пожал Комарову руку:

— Пиши. Новые стихи присылай...

Служить Комарову пришлось в Приморье. Однако не стрельбища, не учебные занятия на полигоне его ожидали, а привычный труд газетчика.

Снова — забота о строчках, опять передовые статьи, «подвалы», разговоры о шрифтах и верстке, о подборках писем читателей, только на сей раз военной газеты.

Всякую возможность бывать в воинских частях и подразделениях он встречал с радостью. На слетах военкоров выступал со своими стихами. Руководил литературным объединением, созданным при редакции газеты, о чем сообщал в письмах к Г. Кравченко и С. Бытовому.

Здесь была своя жизнь, по уставу... Лишь иногда в часы отдыха Комаров уходил на берег Уссури. Зоркий взгляд его отмечал переменчивые краски лета, хотелось писать об этом стихи. Но в записную книжку поэт заносил лишь отдельные строчки, метафорические образы, двустихия, поразившие его чем-то детали, записывал как бы «про себя», еще не зная, что со временем впечатления эти прорвутся в его пейзажной лирике.

Газете нужны были другие стихи. Время несло на своих крыльях невиданные события. Страна прокладывала новый, еще никем не пройденный путь «к светлому будущему», как об этом мечталось и пелось. На страницах газет мелькали имена энтузиастов первой пятилетки, шли сообщения с ударных строек и полей, и на всю страну звучала «Песня о Встречном»: «Не спи, вставай, кудрявая...»

Осмысливая свое место в строю созидателей и защитников новой жизни, Петр Комаров написал стихотворение «Раздумье», обращенное к друзьям-поэтам. Оно было исповедью и призывом. Нетрудно представить, какую он школу прошел в армии, если внимательно прочитать отзыв о нем редактора:

«Тов. Комаров — безупречный работник военной газеты, овладевший техникой этой работы в совершенстве... Он прекрасно знает русскую литературу, много работает над своим усовершенствованием, с большой охотой помогает начинающим писателям... Несмотря на свою тяжелую болезнь, он отказался от отпуска и работал с большой нагрузкой...»

В Хабаровск Петр Комаров вернулся зимой, накануне нового, 1936 года. Знакомые двери в редакции «Тихоокеанского комсомольца» (так стала называться молодежная газета) были для него открыты. Ему предложили должность заместителя редактора. Начиналась новая полоса жизни, хотя он увидел те же стены редакции, какие оставил два года назад, тесные комнатенки, где днем всегда не хватало света; и мало что изменилось

в окружении, он опять встретил тех же сотрудников... Но не всех. Не было Иннокентия Луговского.

— Уехал Кеша в Иркутск,— сказал с сожалением Кравченко.

Работа газетчика... Известное дело, она всегда увлекает в свои твердые, сжатые временем рамки. И все же Комаров был счастлив, его захватила литературная среда, наконец-то он может общаться с писателями, которых давно не видел.

О том, как проходил в Москве I Всесоюзный съезд писателей, он знал только по газетным скудным информациям. А тут стоило подняться наверх, на второй этаж, где размещалось Дальневосточное правление Союза писателей вместе с редакцией журнала «На рубеже», и можно было взять в библиотеке стенографический отчет... О съезде рассказывали и живые его участники, бывшие делегаты: Анатолий Гай, Петр Кулыгин, Иван Шабанов... Четвертый делегат китайский поэт Эми Сяо в Хабаровске появлялся не часто, но остальные работали здесь. О съезде говорили на собраниях и в дружеских беседах.

В эти годы Комаров стал выступать со своими стихами по просьбе читателей. Ездил к морякам Краснознаменной Амурской флотилии, был на погранзаставах. Поездки вдохновляли. Так появилось у него стихотворение «В дозоре», давшее потом название коллективному сборнику молодых поэтов. Военно-патриотическая тема прочно утверждалась в творчестве дальневосточных литераторов, становилась преобладающей. Этому способствовало особое положение нашего края. Граница — рядом...

В доме на Комсомольской улице писатели проходили своеобразную школу литературного опыта, учились мастерству. Для Петра Комарова это были годы активного овладения знаниями. Многие давали встречи с учеными-краеведами, бывалыми людьми, с известными писателями, в том числе и зарубежными.

Был Антал Гидаш — венгерский поэт, рассказывал о себе, читал стихи; как праздник воспринимался приезд китайского поэта Эми Сяо, произведения которого печатались в журнале «На рубеже»... Приезжала Мария Шкапская, писавшая очерки о Дальнем Востоке. Не раз бывал Сергей Диковский, замечательные рассказы о пограничниках, написанные в результате многократных поездок на заставы, читал он в нашем писательском доме еще до того, как они были опубликованы. Подолгу жил в Хабаровске Евгений Долматовский, пока готовил к печати свою книжку стихов о дальневосточной границе...

На литературных «четвергах» выступали поэты и прозаики. Василий Ажаев вынес на обсуждение свои рассказы, а затем повесть «Далеко от Москвы», ставшую впоследствии романом. Интересно было слушать Е. И. Титова — яркого публициста и литературоведа. Эрудит, знаток Дальнего Востока и Сибири, говоривший на десяти языках, он был человеком редкого ума и обаяния. В соавторстве с В. К. Арсеньевым написал он

серьезное научное исследование об истории тунгусского (эвенкийского) народа. А затем они вместе с П. Г. Кулыгиным работали над пьесой «Сергей Лазо», принятой к постановке в Театре Красной Армии... Но постановка не состоялась. Шел 1937 год, по всей стране разворачивалось страшное действие, ставшее реальной, жизненной трагедией нашего народа.

Весть о том, что Григорий Кравченко арестован, была для Комарова ударом. Как это произошло, потом рассказывала мать невинно пострадавшего поэта. В ту ночь, когда перед окнами их дома остановился «черный ворон», от ужасной догадки, что приехали за ее сыном, она заметалась. Не зная, как это предотвратить, стала в отчаянии звать на помощь своих детей, пыталась сдвинуть шкаф и загородить входную дверь от вторжения опасных пришельцев...

Григорий ее удерживал: «Ну, что ты, мама? Зачем? Не надо... Пожалей себя...» Все было ясно: в квартиру уже стучались понятые.

Долго потом безутешными слезами плакала мать, но к кому идти, у кого искать защиты?

Событие это потрясло Петра Комарова. С печальной усмешкой сказал он однажды своей жене, вернувшись из редакции:

— Этак и у меня, наверное, скоро появится свободное время... Можно будет писать стихи.

Нина Яковлевна с опаской взглянула на него:

— Ты так мрачно шутишь... Может быть, разберутся?

Да, разберутся, но не так скоро. А пока один за другим исчезали в мрачных застенках НКВД талантливые литераторы. У нас на виду был взят, уведен из редакции и отправлен в неведомые круги ада Е. И. Титов. Затем в радиокomitee арестовали П. Г. Кулыгина. Репрессирован был И. И. Шабанов. Все трое — члены Союза советских писателей, участники I съезда. Все погибли.

Несколько раз Петра Комарова вызывали на допрос. Потом он был уволен из редакции молодежной газеты «...за утрату бдительности и связь с врагами народа...» «Что значит связь? С какими врагами? — недоумевал он, чуть ли не хватаясь за голову. — Это же абсурд!..»

Когда друзья и знакомые при встрече с ним спрашивали, чем он занят сейчас, что пишет, Комаров отвечал не без иронии: «Отдыхаю...» В то время ему было двадцать шесть лет... К счастью, его оставили в покое, не к чему было придраться.

В редакции журнала «На рубеже» оставалось нас совсем мало, единицы. Последний, кого «сняли с работы», был ответственный секретарь Анатолий Гай. Ему выразили политическое недоверие, к всеобщему удивлению...

Забежав как-то в редакцию, Петр Комаров спросил: когда выйдет очередной номер «На рубеже»? Фетисов, оставшийся в то время за редактора

Ф 884037

и не склонный к пространным объяснениям, показал ему экземпляр, из которого надо было вырвать портрет очередного «врага народа» во всем тираже. Так было уже не раз, из-за этого выход периодического издания постоянно задерживался.

В конце концов 1 апреля 1938 года по постановлению краевого комитета партии журнал был закрыт; квалифицированные работники, журналисты оказались без работы. А между тем жизнь продолжалась и надо было что-то предпринимать... Уже начинала сказываться разобщенность. В бывшем помещении редакции разместился аппарат сельскохозяйственной газеты.

В то время я работала в «Тихоокеанской звезде», литературным секретарем. Помню, был напечатан «Снегопад» Петра Комарова. Встретив его случайно на улице, спешащего куда-то, я сказала, что сегодня на редакционной «летучке» хорошо о нем говорили.

Он спокойно выслушал, остановившись, ни о чем не стал расспрашивать, только сказал:

— Да хвалить-то не надо бы...

Как будто чувствовал, что найдутся критики, которые разругают это стихотворение, упрекнут автора в том, что он увлекается таежной экзотикой, уходит в сторону от «столбовой дороги»... Его уже ругали именно за это.

Но о чем «Снегопад»? Стоит прочесть, и станет ясно. Безжалостным выстрелом нарушена гармония в природе. Вот об этом и написано стихотворение. О трагедии лесных жителей, беззащитных перед натиском неразумной силы. Однако сочувствие к ним ставилось поэту в упрек.

Попробуем мысленно переселиться в те памятные для нас времена, когда разворачивались первые пятилетки и на всю страну гремела слава «покорителей природы»... Это сейчас, озабоченные бедственным состоянием лесов и рек, мы бьем во все колокола, чтобы сохранить животный и растительный мир и воздух, которым дышим, но тогда об экологических проблемах мало кто думал. Героем произведений поэзии и прозы был человек, идущий в лес с пилой и топором, охотник, добытчик пушнины, во много раз перевыполнивший план, строитель, врубающийся в тайгу со своей мощной техникой.

Осторожного критика, перестраховщика, «просто пейзаж» мог навести на мысль об аполитичности автора, «просто стихи о природе» нередко отвергались «как безыдейные»... Всякое слышал о себе Петр Комаров. И такое, что он «пассивный созерцатель природы»... Обычно уколы своих противников он переносил с достоинством. Уместно ли было оправдываться поэту в том, что для него любовь к природе — чувство неодолимое, вечное?

Случалось, он настораживался, если его хвалили... Как-то после прочтения новых стихов сказал:

— Я знаю, что во мне сидит поэт. Но не могу поймать его в себе... и все-таки, когда-нибудь поймаю...

Он много работал, иногда сверх всяких сил. А жилось трудно. Легкая безбедная жизнь вообще представлялась недоступной и в чем-то изначально противопоказанной нашему поколению. «Не думать о себе», «отдать все силы», «быть в первых рядах», — разве не к этому призывали мы сами?

Поездка в деревню Чембары летом тридцать восьмого года была для Петра Комарова добрым жестом судьбы. Он как бы получил увольнительную от городской сутолоки, редакционных забот, врачебных визитов и прибыл на свидание с природой, с ее лесами, сопками, горными речками. Все неудобства сельской жизни мало значили в сравнении с тем, что перед окнами дома, в котором он поселился со своей семьей, пролегла неширокая песчаная дорога, изредка оживляемая тарахтеньем телег, а за дорогой среди молоденьких сосен по берегу Перы вилась сухая и мягкая тропа, вся в рыжих иголках. По ней Комаров ходил рыбачить на облюбованный им плес. Иногда он просто сидел в тени под ольхой, слушал журчанье речной воды, бившейся о корягу... Или наблюдал, как прогуливается на светлом, почти белом песке длинноносый кулик. Вспоминалось детство, проведенное на берегу Зеи... Там в ясную погоду синел речной простор, и было привольнее, но здесь тоже веяло запахами лугов и так же ярко в траве горели кострами красные саранки...

Впечатления от чембаровской природы неназойливо войдут в его творчество, как обобщенные образы родного края. И не только в стихах, но и в прозаических его произведениях; особенно же скажутся тонкие наблюдения автора в его познавательных книжках, написанных для детей и юношества: «Загадка кривой протоки», «Золотая удочка»... В них — талант художника и его рыбацкий опыт. Чембаровские жители удивлялись: никто не вылавливал здесь таких громадных налимов, а вот городской человек изловчился, как будто в назидание им: живете, мол, тут и не знаете, какие рыбы в ваших речках гуляют. Не все еще и знали, что это писатель. И лишь потом, спустя годы, читая книги Петра Комарова, спохватывались: «Да ведь вот кто это был!..» И припоминали его, идущего с уловом от старой, заброшенной мельницы по берегу быстрой Оры, высокого ростом, худощавого, в светлой рубахе — «толстовке» и в шляпе, каких никто и не нашивал там.

Домой в Хабаровск он вернулся окрепшим, говорил, что теперь время приниматься за дело, готовить стихи для выхода отдельным изданием. Он уже много сделал, и в Чембарах поначалу, когда шли дожди, не выходил со двора, переписывал заново некоторые стихотворения.

Критики справедливо отмечают, что поэт придавал большое значение звуковой инструментровке стиха. Действительно так. Но это достигалось не сразу. В раннем периоде творчества, когда еще только начинала опреде-

ляться его манера и надо было уходить от влияния старших, уже известных мастеров, ему пришлось немало потрудиться. А влияние это было. Но упрекать Петра Комарова в устойчивом подражательстве не было причины, оно все заметнее оттеснялось поисками собственного голоса. Поэт неустанно работал над словом, совершенствовался в технике стихосложения, и, естественно, с годами мастерство его крепло.

Давно уже было замечено, что стихи Петра Комарова музыкальны. В них каждая строфа выверена на звук. Он любил читать их своим друзьям и товарищам. Написанные в строгой классической манере, без всякой зауми, они проникают в душу, их хочется выучить наизусть и повторять. Особенно это характерно для пейзажной лирики. Вслушайтесь, как звучит «Зима в Эвенкии». Вот начало. Оно прямо-таки завораживает:

Пейзаж сибирский за окном
Светлей и проще.
Серебротканым волокном
Покрыты рощи.
Во вспышках инея тайга,
В огнях морозных.
Горят леса, горят снега
И синий воздух...

Стихи Комарова отличаются необыкновенной четкостью ритма, они настолько напевны, что многие из них положены на музыку. Но вот что удивительно: никто из нас не слышал, чтобы Комаров пел. Как видно, чувство ритма, звуковые образы таились в нем самом, и только для стихов, так же как чувство природы, которое он обычно не высказывал вслух, словно боясь, что, высказанное не стихами, оно расплещется зря и потом утратит для него всякий интерес.

Позднее, уже во время войны, когда тяготение к пейзажной лирике не поощрялось и влекло за собой отрицательную реакцию присяжных, удалых рецензентов, Петр Комаров написал стихотворение «Над Шантарскими островами» — двадцать строк всего лишь, которые и есть сама музыка...

Под крылом самолета — тайга и тайга.
Золотая земля в непромытах бутарах.
Голубые песцы. Голубые снега.
Голубая зима на Шантарах...

Форме Комаров придавал большое значение, но она никогда не была у него самоцелью. Краткость назывных предложений, которые мы встречаем и в другом стихотворении: «Камень. Редколесье. Солонцы», усиливает образ тайги, нехоженой, пересеченной следами изюбра. Пейзаж становится объемным, приобретает особый колорит!

Но главное — содержание. Автор подчиняет ему весь образный строй произведения. Это отличительная черта лирики Петра Комарова. Возьмем

его стихотворение, состоящее из четырех строф. В сущности, это одно сложноподчиненное предложение. И как мастерски оно развернуто:

Когда бы я не был знаком
С твоими холмами зелеными,
Что пахнут лесным чесноком,
Сосновой смолой и пионами,
Когда бы не знал я дорог
К твоим соловьиным кустарникам,
К лугам, где мышиный горох
Обнялся с травой-золотарником.

Когда бы в полях не бывал.

На одном дыхании это написано. Тут захватывает мысль, выраженная автором в образах с такой нарастающей эмоциональной силой, что ни о каких ухищрениях формы не думаешь, мы просто этого не замечаем,— настолько здесь гармоничны «все части целого»...

Перечитывая циклы стихов Комарова, нетрудно заметить, что любовь к Дальнему Востоку проходит через все его творчество. Да, он имел основание сказать:

Я не один из верных сыновей
Свою судьбу соединил с твоей
И жизнь свою с твоей поставил рядом.

Тема близкой, милой его сердцу родной стороны, особенно удачно воплотилась в стихотворении «Приамурье», ставшем, по сути, уже хрестоматийным. Многие читатели, в том числе юные, знают его наизусть. Достаточно напомнить лишь первую строфу:

Край далекий! С лесами да сопками,
С поздней жалобой птиц. Это ты
Разбудил голосами высокими
Сыновей золотые мечты.

Цезура во второй строке, нарочитая пауза перед тем, как будет сказано: «Это ты разбудил» и т. д., делает ударными последующие строки, не нарушая их напевности. Над «Приамурьем» он работал с особой тщательностью, как будто знал, что со временем это стихотворение станет своеобразным гимном нашему краю. Это было позднее — на западе уже гремели орудия — шла война...

В сороковые годы, в самом их начале, когда еще ничто не предвещало близкой всенародной беды и жизнь текла по законам мирного времени, творческая судьба Петра Комарова складывалась обнадеживающе. Вышел первый сборник его стихотворений «У берегов Амура» (Дальгиз, 1940 г.), небольшая книжка в темно-синем переплете, куда вошли произведения, отобранные им с достаточной требовательностью, она получила благоприят-

ные отзывы в дальневосточной прессе. Комаров, как всегда, сдержанно отвечал на поздравления друзей. Зато обрадовался и не скрывал этого, когда в «Правде» появилась обстоятельная статья Семена Трегуба «Первая книга стихов»...

Объективно и доброжелательно оценивая творчество молодого поэта, критик отмечал, что жизнь и талант Петра Комарова слиты не только с природой родного края, но и с трудовыми делами дальневосточников. Он не ошибся, высказав уверенность, что в будущем дарованию автора еще суждено раскрыться.

Конечно, это окрыляло. Ведь поэт уже думал о новой книге. Еще в Чембарах он говорил, что следующий сборник должен быть лучше, выше по художественным достоинствам, значительнее. Ему хотелось попробовать свои силы в жанре поэмы... Но он не оставлял и лирику. Несмотря на то, что среди местных критиков нет-нет да и раздавались голоса, ставившие в укор поэту тематическое однообразие его стихов, увлечение экзотикой, Петр Комаров продолжал делать пейзажные зарисовки, набрасывал отдельные строфы будущих стихотворений. Потом, много раз переписанные и помеченные сороковым годом, они войдут в его сборники. Это и «Зима в Эвенкии», и «Хинганский родник», и «Шалаш в тайге», а также «Баллада о зверолове» и другие. Войдут и впредь станут украшением новых его изданий.

Все складывалось как будто благоприятно для творчества Комарова. Работал он в редакции журнала «На рубеже», возобновившего свой выход, стихи печатались на Дальнем Востоке и в Сибири; он так же, как Семен Бытовой, Вячеслав Афанасьев, Анатолий Гай, выступал на встречах с читателями то на погранзаставах, то у железнодорожников. Между тем, болезнь напоминала о себе, требовала спокойного домашнего режима, но Комаров не хотел расслабляться, он работал с полной нагрузкой и этим, несомненно, вредил своему здоровью.

Незадолго до начала войны вернулся из заключения Григорий Кравченко. Это было так неожиданно... Нина Яковлевна рассказывала, как однажды ночью он постучался к ним в окно со двора; ставни были закрыты.

— Это я. Гриша...

На кухне включили свет, Комаров пошел отворить двери. И вот Кравченко переступил через порог.

Это была ошеломляюще-радостная встреча. Освободили Григория Кравченко «за недоказанностью вины», как об этом легко и просто сообщалось в документах людей, пострадавших в годы жестоких репрессий.

Не один вечер потом Комаров и Кравченко проведут в беседах о жизни, вспомнят товарищей, будут читать стихи друг другу...

Когда началась Великая Отечественная война, Григорий Кравченко

поспешил в горвоенкомат, выстоял длинную очередь, чтобы оформить документы, и через несколько дней уехал на фронт...

Не знаю, застал ли Петр своего друга в Хабаровске, вернувшись домой из Казахстана. Он был в санатории. С такими трудными хлопотами добывалась ему путевка в «Шафраново», и вдруг... Известие о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз ошеломило его... «Какое сейчас может быть лечение?..» — спрашивал он себя, укладывая в чемодан свои вещички, блокноты, купленные по дороге книги. Поступить по-иному Комаров не мог. Он ведь тоже хотел попасть в действующую армию, добивался этого упорно, как только прибыл в Хабаровск, послал заявление, обосновал свою просьбу тем, что может быть полезным в редакции фронтовой газеты. Но получил отказ: «Кому-то надо работать в тылу». Он нужен был здесь.

Никто не знал, сколько времени продлится война, какие неисчислимые беды она принесет людям, но под грохот идущих на запад эшелонов с бойцами и продовольствием, с боеприпасами, военной техникой дальневосточники трудились дни и ночи. В стихотворении «Родина» Петр Комаров нарисовал образ народа, вставшего на защиту своей страны:

Длинными солдатскими ремнями
Пролегла на запад колея.
Воином предстала перед нами
Родина любимая моя.

С самых первых дней поэт ощутил себя в одном строю с теми, кто работал для фронта, для победы. Сотрудничая в краевом отделении ТАСС, он чаще, чем кто-либо другой из поэтов, печатался в «Тихоокеанской звезде», был активным корреспондентом армейской газеты «Тревога», выступал по радио со своими стихами... Оперативность его была исключительной; когда он только успевал — мы, газетчики, удивлялись. В Хабаровске появилось «Окно» плаката и сатиры «Удар по врагу». Возникло оно по инициативе писателей. Н. Рогаль, П. Комаров, Д. Нагишкин вместе с художниками В. Высоцким, И. Горбуновым, В. Павчинским безотказно, в основном по ночам, работали над выпуском «Окон». Меткие, порой остроумные и разящие подписи к рисункам и карикатурам делал в стихах Петр Комаров. На страницах краевых газет все чаще стали печататься стихи поэта, пронизанные тревогой за судьбу Родины, они выражали справедливый гнев и ненависть народа к фашистским захватчикам: «Вандалы», «Старик», «Святая месть» и другие.

Тема нерушимой связи воинов и тружеников тыла объединила многие произведения Петра Комарова — «Рядом с тобой», «Тебе, Москва», «Мы с тобой, Ленинград» и другие. Война входила в каждый дом. Мы знали, что на западе воюют наши земляки, в том числе писатели-дальневосточники. Где-то шагал в строю всегда казавшийся нам сугубо штатским человеком, солдат пехоты Вячеслав Афанасьев. Надолго исчез Гриша Крав-

ченко (не было от него известий); давно не слышно Александра Фетисова — военного спецкора Всесоюзного радио... По разным фронтам судьба разбросала приморцев. Где они? Саша Артемов, Саша Никулин, Георгий Корешов? Никто из названных мною не вернется из пекла войны. Но мы об этом еще не знали тогда. И вспоминали своих товарищей, как живых...

Осенью 1941 года Петр Комаров вступил в ряды Коммунистической партии.

Работая корреспондентом краевого отделения ТАСС, он почти ежедневно забегал к нам в редакцию «Тихоокеанской звезды». Однажды принес почитать письмо, полученное из Ленинграда от Семена Бытового:

— Послушайте стихи! Кажется, стоит напечатать.

Семен Бытовой с самых первых дней и до победы был корреспондентом газеты у зенитчиков, охранявших город на Неве. Всем своим творчеством он был связан с Приамурьем и в стихах говорил об этом: «Вершины гор, долины, пади,— любовь моя, печаль моя! И в осажденном Ленинграде мне снятся дальние края»... Стихотворение напечатали. Петр Степанович ответил другу-фронтовику. Перечитываю сейчас письмо, взятое из архива, и строки его, как отблески далеких гроз: «Поклонись от меня герою-Ленинграду, о котором не перестаю думать...»

Талант Петра Комарова развернулся в годы войны. Он работал много и плодотворно в различных жанрах, вплоть до очерка, преуспевая и в нем, писал прозу для детей и стихи для взрослых, обдумывал и набрасывал главы поэмы... Это была пора его напряженной, почти сверхсильной работы, когда жизнь и горение сливаются воедино.

Не могла такая нагрузка пройти для него без следа, тем более что жилось трудно, никакого особого питания для больных не предусматривалось, хлеб — по карточкам, и ежемесячно — скудный паек.

И все же работу над стихами Комаров не прекращал никогда. Все токи жизни, казалось, входили в его сердце, на все оно по-своему отзывалось, хотя увиденное и пережитое не сразу становилось фактом поэзии, в том числе и стихи о природе. В письмах к друзьям он сообщал как бы между прочим: «Когда удастся, кое-что пишу для себя...» Вот это кое-что и есть пейзажная лирика, ставшая затем, позднее, поэзией для всех, но через углубленное понимание связи природы и человека... В пейзажной лирике, как уже отмечалось исследователями, Петр Комаров прибегал и к символическим образам. Примером может служить «Кедр» — одно из программных его стихотворений.

Надо сказать, что когда вынашивался этот замысел, читателям был уже известен «Кедр» Вячеслава Афанасьева; стихотворение печаталось в сборниках, о нем говорили как о заметном достижении поэта, нашедшего новый подход к изображению пейзажа. Это не смутило Петра Комарова. У него было свое, иное решение темы. Сознательно не отходя от нарисован-

ного Афанасьевым горного ландшафта, Комаров оставил почти ту же экспозицию и даже размер взял тот же (пятистопный хорей)... Но по-разному звучат голоса двух поэтов и о разном они скажут. Вот как начал свое стихотворение Вячеслав Афанасьев:

Старый кедр над снежною долиной
Возвышался из глубин лесов.
Он своей задумчивой вершиной
Достигал до самых облаков.

А вот начало комаровского «Кедра»:

На вершине горного хребта
Он стоял ветрам наперекор,
Где орлица смелая — и та
Редко пролетала из-за гор...

С нарастающей изобразительной силой будут развиваться дальше события и в первом стихотворении, и во втором. И там, и тут возникает пожар, который станет угрожать великанам. Но в одном случае огонь принесут сами люди, они решили построить город в тайге и поэтому жгут деревья, расчищают площадку... Афанасьевский кедр не погибнет, потому что:

...Никто стремительною сталью
Не посмел ударить в мощный ствол...

Кедр остался, его не тронули строители, он по-прежнему зеленеет...

...И шумит зеленая вершина
Над кварталом каменных домов.

Таков смысловой итог, в нем — призыв к людям беречь природу...

Иную задачу поставил перед собой Комаров и нарисовал картину древнего леса. Здесь кедр «...стоял ветрам наперекор»; за долгие века он много раз выдерживал бури и тайфуны, но ничто его не согнуло. А внизу цвела колючая аралия, она трусливо «сгибалась перед каждой новою бедой...». Но вот зашумела гроза, сверкнула молния и подожгла кедр.

...Словно кровь в груди богатыря,
Смолы закипели под корой...

Стихотворение построено по принципу контраста, на противопоставлении двух начал, двух судеб и различных отношений к жизни. С одной стороны — тихое, безмятежное существование, а с другой — борьба, желание противостоять бурям. И если случится беда, мужественно встретить ее. Такова философия «Кедра», перенесенная из мира природы в область исканий человеческого духа.

Исполненное по-комаровски живописно и четко, стихотворение это, я помню, в одном из первых вариантов заканчивалось тем, что аралия выжила, она «склонила до земли», и вот ее удел: «обрастать лишайником и мхом...». Этой концовке недоставало обобщения, оно появилось позднее:

нужен был взгляд человека, чтобы понять: «Где тут жизнь прославилась навек, где тут смерть хозяйкою была»...

И все-таки это не стало завершающей мыслью произведения. Через некоторое время Комаров, переживший очередное обострение болезни, написал последнее четверостишие. И вот что выделил он в итоге, как идеал для себя:

Если мне придется умереть,
Кедром упаду я поутру.
Лучше сразу факелом сгореть,
Чем всю жизнь сгибаться на ветру.

В те годы периодически обострялась тяжелая болезнь Петра Степановича. Врачи категорически запрещали ему предпринимать поездки, командировки. С затаенной грустью и, наверное, не без зависти смотрел он на нас — газетчиков, когда мы отправлялись в отдаленные районы по заданию редакции.

Вспоминается зима 1942 года... Время напряженной работы, затемненных окон по сигналу тревоги, хлебных карточек, грохота воинских эшелонов и ночей без сна. В городе Комсомольске развернулась ударная стройка. По приказу Государственного Комитета Обороны строителям надо было ввести в строй действующих предприятий завод «Амурсталь» и как можно скорее выдать металл для нужд оборонной промышленности.

Краевой комитет партии решил послать туда выездную редакцию «Тихоокеанской звезды». В ее составе нас оказалось пятеро: А. Пришвин, Ан. Гай, Н. Галунин, В. Павчинский... Условия на стройке были трудные. Но это не имело значения. Строителям нужно было выполнить государственное задание в срок. Поэтому работали днем и ночью, по суткам и по неделям не уходя домой. В траншеях, где монтажники прокладывали трубы для подачи воды в мартен, горели костры, чтобы грунт не замерзал. Люди грелись у костров или в бытовках — и снова шли под своды холодных цехов. Это был, без преувеличения, героический труд. Сколько замечательных людей прошло у нас перед глазами! Надо было рассказывать о них читателям.

Неожиданно на стройке появился Петр Комаров. Мы встретили его однажды утром по дороге в редакцию.

— Посмотрите-ка, кто идет! — воскликнул Вадим Павчинский.

Комаров был в коротком зимнем пальто и в серых валенках, шел довольно легко и быстро, как будто всем своим видом хотел показать нам, что он вполне здоров и вот прибыл, даже у шапки не опустил уши.

— А ведь я вас давно ищу, ребята, — он стал здороваться с нами. — Да... морозец тут знатный... — сказал это и закашлялся.

Лица сразу у всех вытянулись. Стоим, переглядываемся... Радоваться, или удивляться, или, может быть, рассердиться? Давно ли мы на редакционной машине возили к нему доктора Митрофанова? И когда возвращались оттуда,

из разговора с Михаилом Петровичем было ясно, что больному нужен покой, хорошее питание и строгий режим. То есть то, чего не было и быть не могло...

Он пробыл с нами до конца строительства.

Вспоминая теперь о том далеком времени, я думаю, что иначе Петр Комаров поступить не мог. Он считал для себя святой обязанностью быть там, где людям трудно, а на «Амурстали» тогда обстановка чем-то напоминала участок боя.

...Среди огней терялась мгла.
Весь цех гудел, не остывая,
Как будто рядом пролегла
В тайге дорога фронтовая,

«Ночной цех»

Объективно поездка Петра Комарова на строительство «Амурстали» была необходима. И, наверное, лучше всех понимал это он сам, понимал и оттого не щадил себя. Мысль о беззаветном служении Родине, когда ты знаешь, что труд твой необходим, а цель, поставленная тобой, благородна, много раз в стихах Комарова находила свое образное воплощение. Но, пожалуй, особенной глубины она достигла в «Золотой просеке», задуманной и начатой еще перед войной и получившей завершение уже в разгар начавшихся военных событий.

Всякий раз перечитывая «Золотую просеку», ловишь себя на мысли, что все в ней будто внове для тебя и звучит по-новому. Хотя каждая строчка этого стихотворения с ключевой позицией автора давно принята сердцем.

И еще думаешь о том, что здесь выражен характер:

А жизнь велит: иди,
Иди и не сворачивай с дороги,
И что бы ни случилось впереди,
Увидишь солнце на своем пороге...

Это ведь сам Комаров, с его биографией, начавшейся от того первого решительного шага, когда он еще подростком ушел из деревни учиться, — с котомкой через плечо, в сыромятных ичигах и кумачовой рубашке, сшитой матерью. Подобные шаги не раз повторятся на крутых поворотах его судьбы, еще до суровых дней сорок второго года. В ином случае вряд ли ему удалось бы многое увидеть, пережить и написать хотя бы такое стихотворение, как «Амурсталь». А ведь это — поэтический документ эпохи!

Ты выйдешь на сопку
И медленным взглядом
Окинешь знакомую даль.
И цехи завода
Поднимутся рядом —
Вот это и есть «Амурсталь»!..

Уже самая первая строфа настраивает на то тревожное время, в которое железно вписан труд дальневосточников.

В ближних и дальних поездках, в общении с земляками — людьми труда — Комаров всегда находил новые темы для стихов. Время пришло, и заводской цех, площадки ударных строек сменились картинами сельской жизни; он отправился к хлеборобам Амурской области. Поездка эта была наполнена интересными встречами, множеством впечатлений. Едва он увидел степь, всю «в желтых пятнах молочая, в цветах ромашки полевой», услышал «поздний крик перепелов», и многое отозвалось в его душе...

Но это была степь военного времени, со своими приметам, о чем поведало читателям стихотворение «Дзот в степи», так живописно начатое автором. Весь цикл, посвященный сельским труженикам, был отмечен присутствием близкой границы, которая в любой момент могла стать огненной чертой. К счастью, этого не случилось, на востоке прочно держали оборону. Стихотворение «Военно-полевая дорога» как раз говорит об этом. Не оттого ли степь жила своей напряженной жизнью в разгар осенней страды:

Здесь слышен только стук лопат,
Глухая речь машин, и всюду
Зерно шумит, как водопад,
Как дождь, который не забуду...

Так начинается «Зерновой двор». Из многих деталей поэт выбирает самые характерные, но это будут подробности, только им увиденные и неповторимые. К примеру, в одном из ранних его стихотворений «Сенокос» сказано о степной птице: «Выпь степная ревет по-коровьи». Он это слышал сам еще в детстве, как «шелест трав» или «шуршанье шуги...» во время ледохода. Неслучайно, оказавшись в родной стихии, поэт говорит:

Как стих, без единой запинки
Читать наизусть я готов
Всю степь — до китайской сарпинки
Ее запоздалых цветов...

Вот он и «читает» раскинувшееся перед ним степное пространство. Казалось бы, ну что особенного в том, что суслик выскочил на дорогу? Но ведь суслик-то был в «пятнах мазута». И это не могло не рассмешить лирического героя стихотворения или самого автора. Оказывается, суслик «в соседстве с машинами жил...». Тоже — одна из находок Петра Комарова, наблюдательности которого мог бы позавидовать любой натуралист.

Мир в его стихах озвучен: то «слышен только стук лопат» (на зерновом дворе), то «скороговорка комбайна»... О стихотворениях «Вечер на полеваном стане», «Осень в деревне», «Слышу голос...» и о других нельзя сказать, что это пейзажные стихи, хотя они исполнены художником, тонко чувствующим природу, все оттенки ее осенней цветовой гаммы. Однако содержание определяет авторскую задачу: показать напряженность обстановки в совхозной деревне, где работа идет под девизом помощи фронту:

За первым проселочным знаком
Раскинулся стан полевой.

Деревня стоит бивуаком,
Как будто готовится в бой...

О творчестве Петра Комарова было написано за последние четыре десятилетия немало журнальных статей, серьезных исследовательских работ, вышедших в свет отдельными изданиями. В поле зрения литературоведов и критиков особенно часто попадали стихи поэта, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны, что совершенно понятно, так как с этим временем связан расцвет его таланта. Выходят одна за другой его книги: сборник стихов «Время бесстрашных» (1941 г.), сатирические стихи «Как пруссак попал впросак» (1942 г.), сборник стихов «С востока на запад» (1943 г.). В 1944 году читатели познакомились с его рассказами «Загадка кривой протоки», в 1945 году сразу вышли его четыре сборника в разных издательствах, в том числе и в Москве. Среди них — «Хинганский родник»... Данные эти привожу для того, чтобы подтвердить, как интенсивно работал Петр Комаров. Именно в эти годы он создал наиболее знаменитые произведения, которые охватывали современную жизнь родного края и его героическое прошлое, — поэмы «Серебряный кубок», «Пограничная ночь», а также «Владимир Атласов» — исторический роман в стихах, к сожалению, он так и остался незаконченным.

Когда о Комарове говорят, что он — певец Дальнего Востока, то это, конечно, вполне справедливо, только ведь в его стихах с неизменной любовью воспеваются не одни лишь красоты Уссурийской тайги, горных хребтов, падей или Зейской равнины, но и величие труда наших земляков, и мужество пограничников. Кроме того, в ярких поэтических образах ему удалось, по словам известного дальневосточного писателя и критика Н. М. Рогалья, «показать роль и значение тихоокеанских владений России для будущего нашего народа и для судеб многочисленных народов стран Тихого океана...»*. Стоит назвать цикл «Под небом Азии», куда вошли его стихи о Китае, Корее и Монголии, имеющие помимо художественных достоинств еще и познавательную ценность.

Сейчас, по прошествии почти полувека, перечитывая «Маньчжурскую тетрадь», вспоминаешь август сорок пятого года. В те дни, когда начался освободительный поход Советской Армии в Северо-Восточный Китай, немногим из нас выпало быть в качестве специальных корреспондентов газет, радио и КрайТАСС, кому — в сухопутных войсках, в авиации, а кому и на кораблях Амурской флотилии. Стоит ли говорить, как мы были взбудоражены таким событием. После Дня Победы, который 9 мая по всей стране праздновали с песнями и слезами, уже началось восстановление разрушенного войной народного хозяйства, но вот через три месяца дан приказ советским войскам перейти границу на востоке!

Все было готово для этого, но мы еще не знали, почему непрерывно

* Рогаль Н. Останется в строю/Дальний Восток. 1969. № 9.

с запада движутся воинские эшелоны к нам, на восток. Идут состав за составом. Иной раз, стоя на полустанке, слышишь, как из раскрытых настежь теплушек вихрем проносятся веселые солдатские песни. Ехали победители. Надо было освободить дружественные нам народы от японских милитаристов.

С большим трудом, преодолев немалое сопротивление и начальства, и врачей, Петр Комаров добился назначения в действующую армию. Вместе с писателем Николаем Задорновым — корреспондентом ТАСС, талантливым прозаиком, роман которого «Амур-батюшка» за год до этого вышел в местном издательстве, они проделали довольно большой путь с войсками 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов. Давняя их дружба, сложившаяся еще в довоенную пору, окрепла в совместных поездках по городам Маньчжурии. Рядом с Николаем Павловичем — человеком большого кругозора, предупредительным, веселым и добродушным, Комарову было легче преодолевать неизбежные трудности. На маньчжурской земле многое им открылось тогда.

Устами своего лирического героя в стихотворении «Санчагоу» поэт нарисовал безрадостную картину «тихой» жизни небольшого города Санчагоу, где «...днем — патрули. И ночью — патрули. И тишина. И ничего другого...», «За самурайским флагом — шаги конвоя. Тусклый блеск штыка...» И «головы казненных за мятеж, как черные горшки на частоколе...» Бесправное население таких городов, рабство, голод и нищета — вот что скрывалось за «тихими» вывесками.

Бездомный пес пролаял на луну.
И снова — ночь. И ничего другого.
...Мы расстреляли эту тишину,
Когда входили в город Санчагоу.

Тот, кому довелось побывать там в те дни, наверное, долго помнил, да и теперь не забыл, как в Северо-Восточном Китае встречали воинов нашей армии, принесшей людям свободу. Об этом можно долго рассказывать, да и книг уже немало написано. И все же в одном лишь четверостишии Петр Комаров сумел оживить знакомую картину:

Люди вскинули, как полымя,
Красный флаг над головой,
Машут нам широкополыми
Шляпами наперебой.

«Дорога на Дуньхуа»

Или вот стихотворение «Вечер на Сунгари». Оно погружает нас в атмосферу лирического пейзажа, овеянного грустью расставания с обретенными на китайской земле друзьями. Оказывается, китайцы уже выучили наши песни и поют русскую «Катюшу»!.. Перечитывая это стихотворение, я вспомнила недавнюю свою поездку в провинцию Хэйлунцзян. Волнующими и радостными были встречи с харбинскими жителями после двадцатилетней

размолвки между нашими странами. И так же дружно молодежь запевала «Подмосковные вечера» и «Калинку», переведенную на китайский язык, как тогда пела «Катюшу».

Стихи Петра Комарова вполне современны, хотя они создавались на другом витке времени. Сейчас мы уже не те, и Китай иной. После пресловутого «скачка» он в своем экономическом развитии ушел далеко вперед. И в том, что крепнут наши торговые, культурные связи, есть своя историческая логика и закономерность.

«Маньчжурская тетрадь», все три цикла Петра Комарова, куда вошли стихи о Китае, Корее и Монголии, — явление уникальное в советской поэзии. Не только в силу единственности такого широкого взгляда, объемлющего многоликие страны Азии, но и по художественной выразительности описаний и силе образов, созданных автором. Касается ли это массовых сцен на улицах («Харбин»), портретных зарисовок в таком стихотворении, как «Старик», или экспрессивного рисунка идущей по улице женщины, у которой «...и в руках — узлы, на голове — корзина и плачущий ребенок за спиной...» («Кореянка»), поэт точен в своих беглых характеристиках людей разного толка. Ему не откажешь в изобретательности, даже когда он использует прием перечисления для того, чтобы передать всплеск радости на улицах городов, куда вошли советские воины-освободители с красными флагами и цветами на штыках...

Никто не позабудет этой встречи:
Увитых георгинами штыков,
Малюток чьих-то, поднятых на плечи,
Коленопреклоненных стариков,
Мужской слезы, оброненной впервые,
Молитвенного топота вокруг,
И взглядов нежных: «Русские! Родные!»
И трепета горячих женских рук.

«Харбин»

Думаю, что читатели разных поколений и сегодня оценят высоко стихи «Маньчжурской тетради»... Это, бесспорно, еще одна удача Петра Комарова в ряду наиболее значительных достижений поэта — публициста и лирика.

Почта приносила Комарову много писем. Как-то, разбирая газеты и журналы, он увидел небольшую бандероль, догадался, что это книжка, и сразу узнал почерк Константина Седых, четкий, прямой и круглый, обрадовался — давно не было писем от него. Но прежде посмотрел книжку: «Первая любовь»... И автограф — стихи... «Дорогой Петр, — писал Седых, — я видел и даже немного полистал твой чудесный «Хинганский родник» у Г. Маркова. Но для основательного прочтения он мне его не дал. Однако и того, что я успел прочесть, достаточно, чтобы сказать тебе, амурский чалдонище, что писать ты стал удивительно хорошо... Так ты меня расшевелил своими стихами, что некоторые из них я запомнил наизусть.

А это со мной редко бывает. Надеюсь, что «Хинганский родник», я буду иметь. За оный пошлю тебе вторую книгу «Даурии», как только она увидит свет...»

А на книжке надпись: «Петру Комарову, поэту всея Сибири»... И стихотворение в полушутливом тоне:

Есть, говорят, в горах Хингана
Святой поэзии родник.
Амурским стужам и буранам
Он покоряться не привык.

...Прошу: пошли чудесной влаги
В обмен за «Первую любовь»
Седому, хилому бродяге,
Певцу даурских казаков...

Прочитал и, наверное, подумал о том, как много еще не сделано... Поэма о казаке Атласове лежит в столе, ждет окончания. Все нет времени взяться за нее... А может быть, надо жестче управлять своим временем?

Весной 1948 года, оказавшись в Мухинском санатории под Благовещенском, Петр Степанович не прекращал работы над стихами. Он задумал новый цикл (потом даст ему название: «Зеленый пояс»), но пока на подступах к этой теме делал наброски. Здесь тоже трудно было создать творческую обстановку и, уединившись, работать. Приезжали благовещенские литераторы, работники библиотек просили о встречах с читателями. Сам он тоже не мог усидеть на месте. Единственное, что удерживало его от поездок к амурским хлебопашцам, — санаторный режим и требование врачей — не пренебрегать их советами.

Тяжелая болезнь требовала особого лечения, условий для этого и усиленного питания. Но время послевоенное. Трудно было доставать мясо, масло, другие необходимые продукты. Бутылку молока покупали на рынке за большие деньги. По правде говоря, Комаров угасал от недоедания.

В письме к известному критику и литературоведу Ан. Тарасенкову есть строки, которые он писал, по-видимому, через силу, так как не любил говорить о своей болезни: «...Сам я уже пятый месяц лежу в постели при полном упадке сердечной деятельности и остром туберкулезе. Врачи, спасибо им, применяют все снадобья, чтобы поднять меня, но, видимо, организм сдал окончательно, и если успею увидеть свой сборник изданным*, то это будет моим великим счастьем.

Да и сейчас, в постели, я не имею права жаловаться на жизнь. Прожил я ее хорошо и честно, и пока ясная голова — буду писать стихи. «Зеленый пояс» написал уже в постели...»

Нужны ли к письму дополнительные слова? Все сказано в этой нечаянной исповеди. Разве только добавить можно, с какой жадой жизни он

* Имеется в виду «Избранное». Москва: Гослитиздат, 1950. С. 272.

встречал ее неизбежный конец... И как до последнего дня отчаяние и надежда владели попеременно его сознанием.

Мучился оттого, что многое не успел сделать — оставляет недописанные поэмы. И еще перебирал отдельные строфы, они ему не давали покоя. Однажды попросил жену взять бумагу и карандаш:

— Нина, я решил исправить одну строфу. Найди «Атласова»... Конец первой главы. Последнее четверостишие.

Она с недоумением посмотрела на него:

— А что?.. Здесь, кажется, все в порядке, Петя.— И прочитала: — «Под белорыбицу с торели вельми как водка хороша. А мы еще не постарели и для повторного ковша...»

— Напиши так: «А мы еще не постарели с тобой для доброго ковша!..»

Требовательный к слову Комаров, наверное, не хотел допускать преувеличений — ведь и герой его поэмы — лихой казак Владимир Атласов, и ватажник Морозко — немолоды, да и собрались «не для гульбы»... Предстоит же им поход на Камчатку!..

Исправлять и улучшать тексты стихотворений было для Комарова необходимостью. Если что-то ему казалось неточным, он возвращался к стихам порой через годы, о чем иногда свидетельствуют две даты, поставленные в конце. Правда, не всегда он указывал их, но первоначальные варианты некоторых стихотворений были у него иными. Помнится, например, прежнее начало «Дальнего берега», где «Зея» рифмовалась с архаичным названием цветка: «Лилея»... «Гордая соперница Лилеи, жарко расцветает сарана. Край родной! Далекий берег Зеи! Тихая лесная сторона». Комаров заменил это новой строфой:

Лилии соперница лесная,
Снова расцветает сарана.
Это ты — далекая, родная,
Сердцу дорогая сторона...

В первом варианте «Дальний берег» заканчивался словами:

Мы расстались и дойдем нежданно,
Доживем до первой седины.

Но затем глаголы «дойдем» и «доживем» из будущего времени автор перевел в настоящее. И еще дописал одну строфу, где понятиям «старость» и «время» придается философский оттенок.

Или вот еще «один из пейзажных гимнов» поэта, как их называл в своей талантливой книге о творчестве Комарова критик Борис Рясенцев*.

Утка быстрая в небе лиловом
Прочертила крылами дугу.
Вновь запахло болиголовом
От высоких стогов на лугу.

В этом первом четверостишии поэт заменил только два слова: «вновь

* Рясенцев Б. Изумленность. Хабаровское книжное издательство, 1979.

запахло». Вместо них читаем: «И повеяло болиголовом»... Глагол этот заключает в себе движение, кроме того, усиливает музыкальность строфы, благодаря чередованию слогов, подобранных соответствующим образом. Аллитерации в его пейзажных стихах — не редкость.

В разное время, но с неизменной взыскательностью к слову были написаны Комаровым стихи для маленьких земляков. Им посвящен специальный раздел в этом сборнике. Они живописны, многие из них напоминают акварели. Связанные с миром природы, стихи эти при всем их лаконизме наполнены интересным содержанием и несут детям радость узнавания жизни лесных обитателей.

Государственной премии были удостоены циклы стихов Петра Комарова, созданных в последние годы: «Зеленый Пояс», «Маньчжурская тетрадь» и «Новый перегон». И вот какое удивительное совпадение, — о нем мало кто знает, — одним указом Советского правительства от 7 марта 1950 года звание лауреата Государственной премии СССР было присвоено Петру Комарову — за стихи, а Константину Седых — за роман «Даурия»...

К сожалению, Петр Степанович не дожил до этого дня.

Он умер 30 сентября 1949 года.

Оглядывая мысленно путь, пройденный Комаровым, думаешь о том, как много он сумел сделать за свою недолгую жизнь — трудную и все-таки прекрасную в служении народу.

Вот его последняя исповедь:

Сторонка родная, где прожиты годы,
 И дом, как маяк, у реки.
 Войду в поговорку иль выйду из моды,
 Припомнят меня земляки.
 — Он жил для тебя и работал неплохо,
 Бродил по дорогам лесным,
 Был сыном твоим до последнего
 вздоха.
 И верным солдатом твоим.
 Они для меня прозвучат, как награда —
 Простые слова земляков.
 И лучшей награды поэту не надо
 Во веки веков...

Много лет прошло с тех пор. Книги Петра Комарова продолжают выходить в разных издательствах страны, звучат стихи на многих языках.

Исполнилась заветная дума поэта. Имя его не забыто. Кажется, само время прокладывает дорогу его стихам. Им долго жить.

Юлия ШЕСТАКОВА